ВОСПЕВШИИ МУЗЫКУ РЕВОЛЮЦИИ

Было пасмурным и ным петербургское небо янва-ря 1905 года, по которому словно раскаты непослушной грозы носилось эко последних трозы носилось эхо последних залпов геройски агонизирующего Порт-Артура. А навстречу, с земли, набирая голос и мощь на фабричных и заводских окраинах, поднимался, раскатываясь по улицам, пока еще не единый, не стройный, но уже непоколебимо грозный вул наролных масс. То полобтул народных масс. То, подобно гнилому казенному сукну солдатских шинелей, с треском расползалась латаная николаевская монархия.

За запертыми дверьми и аашторенными окнами особняков, в интеллигентских, литературно-салонных кругах Петербурга это грозное, непонятное «нечто» испуганно на-вывали смутой. А называлось оно — революцией.

Но стены, и шторы, и книги не защищают от времени. Да и сама попытка отстраниться и сама полытка отстраниться от него для художника равно-сильна самопредательству. Среди тех немногих писателей, кто в эти дни жадно всматривался в лица и события, честно пытаясь понять происходящее, был поэт Алексаниро сандр Александрович Блок.

Но как постичь, понять революцию, не зная, что она такое? Не сейчас, на расстоянии, а тогда, оттуда, из самой стихии события захваченному им, но не понимающему его природы поэту? Умом? У Бло-ка не было марксистских сока не было марксистских со циальных познаний. Классо-вым чутьем? Мелкий дворянин, интеллигент, он не обла-дал пролетарской интуицией. дал пролетарской интуициеи. Но была у него, как у каждого подлинного поэта, интулция художника, даже в отрыве от масс не забывающего, что люди вокруг — не «чернь», а «тот странный народ, который забыт нами, но окружает нас кольцом неизбывным и требует от нас памяти о себе и для себя». Блок слушал само звучание ревомяти о себе и для себя». Блок слушал само звучание революции, слушал доверчиво, как слушают неведомую, но прекрасную музыку, впитывая ее всем телом, всем опытом, всем сознанием. Взволнованный гул народных масс он ванный гул народных масс он вземителя с взволнованным соотносил с взволнованным биением собственного сердца. И хоть звучали они по-разному, Блок радостно ощущал: между ними нет разнобоя.

Недавние соратники Блока Недавние соратники Блока по цеху символизма, многочисленные поклонники его
возвышенных, ароматно-таинственных стихов о Прекрасной
Даме почли себя оскорбленными такой позицией поэта.
А он, полный предчувствия великого обновления, писал в конпе 1904-го поэму «Ее при-бытие», где ожидание перемен собственной судьбы впервые омгие», где ожидание перемен собственной судьбы впервые прорастало из ожидания пере-мен в судьбе России. Писал о том, как на барку жизни, заК 100-летию со дня рождения А. А. Блока

стрявшую на большой мели, ежодит кто-то сильный в се-ром армяке», становится у руля и уверенно выводит де-ревянную посудину на стрем-

нину.
Эта сейсмографическая чут-кость сердца и слуха поэта к общественным колебаниям во-все не была неожиданной или все не была неожиданной или случайной для певца Прекрасной Дамы. Мужество ся — непременное высокого таланта. Социальные бури времени сминают слабый, но укрепляют и формируют сильный творческий характер.

Рожденный в доме деда по материнской линии, ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова, с детства зна-комый с Д. И. Менделеевым, с учениками этих двух выда-ющихся русских ученых, под-ростком и юношей Александр Блок естественно, как воздух, вбирал идеи прогрессивно мыслящей русской интелли-генции, явления русской куль-

туры. Молодость, рано возник-шая романтическая любовь к Л. Д. Менделеевой, понятая JI. Д. Менделеевой, понятая как предначертание судьбы, прекрасная, переменчивая во времени «декорация» для этой любен времени «декорация» для этой любви — окрестности подмосковного Шахматова — в этом реальные истоки таинственных и возвышенных стихов о Прекрасной Даме. Да и сама их романтическая воз-вышенность вполне естественна и объяснима: в них мечта о гармонии человеческих ото гармонии человеческих от-ношений в ту пору, когда весь мир, кажется поэту, сосредо-точен в собственной душе, а внешний, реальный мир слу-жит как бы комментарием для мира внутреннего.

Это естественно возникшее первичное поэтическое мироощущение Блока, «сдобренное» затем ное» затем изрядной долей модного в ту пору мистицизма, оказалось для русской по-эзии начала века весьма современным, созвучным ее развитию, и выдвинуло молодого ватим, и выдымлую жолокого савтора в ряды лидеров русского поэтического символизма. Но вот что характерно: если для в А. Белого, В. Брюсова, К. Бальмонта и ряда других поэтов символизм был как бы поэтов символизм оыл как оы долговременной творческой программой, для Блока он стал важным, существенным, но лишь начальным этапом сложного творческого пути. Символизм и декаданс, казалальным и декаданс, казалальным при лось бы, поднявшие знамя пе-ремен и новаторства в лите-ратуре и искусстве начала века, постарели раньше, чем их апологеты. Упав на благодат-ную почву общественно-полиную почву общественно-поли-тической реакции, они вско-рости стали расхожей модой. «Теперь у нас мода на дека-дентство,— писал А. Бенуа.— Богатые люди строят дека-дентские дома, нарядные да-мы заказывают декадентские

мы заказывают декадомира.

Примечательно, что уже в 1904 году Блок стоит в лагере символизма особняком. Это ре символизма особняком. Это проявляется и в отличной от символистов общественной повиции. (Например в отношении к Русско-японской войне. «700 японцев взлетело от порт-артурских фугасов. Ура!» — экзальтированно восклицал А. Белый». «Великий океан — наше озеро» — поокеан — наше озеро», — громыхал на печатных страницах В. Брюсов. «...Я испачкан кровью.» — пишет своему другу поэту Е. Иванову А. Блок). Это проявляется в в

размежевании творческих поразмежевании творческих по-зиций. Вышедшая в октяб-ре 1904 года первая книга поэта «Стихи о Прекрасной Даме» уже как бы отошла от него. «Я не мистик,— пи-шет он с немалой долей иро-нии А. Белому...— Для меня и место-то, может быть, со-всем не с Тобой, Провидцем и знающим пути, а с Горь-ким...» ким...» В эти

ново переосмысливает мир и свое к нему отношение. Летом он снова в Шахматове. Он ло-вит себя на том, что, погру-женный в кипение мира внутреннего, он как бы не заме-чал ранее высокой прелести чал ранее высокой прелести и мудрости природы: того, как растет трава, восходят цветы, мерцают таинственным светом темные лесные болота. Он видит звуки, шорохи и краски природы «не символическими и не мистическими, а изумительными в своей простоте». Пробуждается его интерес к славянским языкам и терес к славянским языкам и фольклору, к «подземной му-выке русской истории».

Расстреляна, подавлена, топлена в крови первая рус-ская революция. Жесткая и судорожная хватка Столыпи-на ощущается во всем. Резок на ощущается во всем. Резок спад общественного движения. Воздух в России кажется протухшим. Попав на родную для себя почву, бурным пустоцветом расцветает декадентское искусство. Влок сомневается, мучается, мечется, но остается верным себе. Закончена драма «Балаганчик». Это — ироническая мистерия, воспроизводящая литературную атмосферу тех лет. В ней злая насмешка над новомодными теориями и течениями, в которых маски, костюмы и картонные мечи подменяют подлинные человеческие лица и чувства. Симвое лица и чувства. Симво-«Балаганчика» прозрачны, они устремлены к тому, «что-бы от истины ходячей всем стало больно и светло». Блок стало больно и светло». Блок уже открыто и резко размежевывается с теми, кто подобно Д. Мережковскому, вимит в русском народе лишь «грядущего хама». «...Растет предо мной понятие «гражданин», и я начинаю понимать, как освободительно и целебно это понятие, когда начинаещь открывать его в собственной душе», — пишет Блок Е. Иванову в 1908 году. Происходит новый качественный шаг в его поэзии: Елок начинает ощущать себя «пред диком родины суровой», и ником родины суровой», и ни-когда уже не оставит его это когда уже не оставит его это выстраданное осознание себя поэтом народным, для которого серые избы нищей России и верстовые ее песни сжимают сердце волною нежности, любви и печали. Цикл «На поле Куликовом», завершенный летом 1908 года, один из самых личностных, глубоких и проникновенных поэтических творений в русской лических порежения в русской в русской в русской лических пореже ческих творений в русской ли-тературе, где судьба поэта и судьба России не только не-разрывны, но и немыслимы друг без друга.

друг без друга.

В 1910 году Блок начинает работать над поэмой «Возмездие». По замыслу — это семейная хроника, перенесенная на исторический фон. В поэме, которая осталась незаконченной, поскольку поэт впоследствии не счел возмож-ным писать о предчувствии революции, когда она уже со-вершилась, точное миро-ощущение начала века: «По-жары дымные заката (про-

рочества о нашем дне), коме-ты грозной и хвостатой ужас-ный призрач ты грозной и хвостатой ужасный призрак в вышине, безжалостный конец Мессины (стихийных сил не превозмочь), и неустанный рев машины, кующей гибель день и ночь, сознанье страшное обмана всех прежних малых дум и вер, и первый взлет аэроплана в пустыню неизвестных сфер... И отвращение от жизни, и к ней безумная любовь, и страсть и ненависть к отчизне... И черная, земная кровь сулит нам, раздувая вены, все разрущая рубежи, неслыханные перемены, невиданные мятежи.... Влок остается чужд извер-

Блок остается чужд извержениям великодержавного патриотизма в годы первой патриотизма в годы первой ипровой. Война, — отмечает – «просто огромная фабика в ходу, и в этом ее роко-

вой смыслэ.

Февральская революция 1917 года. Блок назначается редактором стенографического отчета Чрезвычайной следто отчета Чрезвычайной след-ственной комиссии, расследу-ощей деятельность парских иннистров и сановников. Он с интересом знакомится с ана-томией распада царского са-иодержавия. Но энтузиазм его недолог. «В нашей редакционной комиссии революци-енный дух не присутствовал. Революция там не ночевала»,

замечает он в письме. Молодым, веселым и бод-Молодым, веселым и бодрым помнят современники Александра Блока в первые дни Октября. На вопрос анкеты: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — Влок отвечает: «Может и обязана». В январе 1918-го поэт создает едва ли не самое значительное свое творение — поэму «Двенадать», удивительное, новаторское, ныне — хрестоматийное произведение. Из январской метели в ней проступают лик и поступь революции, ее музыка, стихия. Влок видит в революции воплощение чаяний и пророчеств Гоголя и Достоевского. Двенадцать красногвардейцев шагают в это поэме в будущее, еще не понимая до конца своего державного пути. Поэма вызвала подлинное землетрясение в литературных кругах. Она навсегла поставила имя Алекподлинное землетрисение в питературных кругах. Она на-всегда поставила имя Алек-сандра Блока в первый ряд русских советских поэтов. В эти дни Блок активно ра-

в эти дни влок активно ра-ботает на революцию. Он — член коллегии учрежденного Горьким издательства «Все-мирная литература», председа-тель дирекции Большого драматического театра, член ре-дакционной коллегии при Петроградском отделе театров и зрелищ, член коллегии Литературного отдела Наркомпро-са, член совета Дома искусств, председатель Петроградского отделения Всероссийского со-юза поэтов, член правления юза поэтов, член правления Истроградского отделения Всероссийского союза писателей. До конца своей жизни он словом и делом утверждает новую, пролетарскую культуру, своим большим авторитетом художника безоговорочно поддерживая Советскую власть. Проходит время, меняются поколения, но для каждого из них Александр Блок остается современником. Потому что

из них Александр Блок остается современником. Потому что и любовь, и тяга к обновлению, и личное, глубоко осознанное чувство Родины приходят к человеку не вдруг и не сами по себе. Их питают глубинные, надежные и неизменные родники. Среди таких родников, омывающих корни народного дерева, поэзия Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока.

Подполковник

Подполковник 30. БЕЛИЧЕНКО.